

Опубликовано в журнале:

[«Урал» 2003, №7](#)

Очерки и публицистика

Нина Акифьева

“Питейные” заметки: исторический аспект

Нина Валентиновна Акифьева, кандидат исторических наук, доцент – родилась в 1960 г. в Пермской области. Окончила исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького, очную аспирантуру института экономики УрО АН СССР. После окончания аспирантуры работает на кафедре истории России УГТУ-УПИ. Автор более 50 научных работ и статей. Живет в Первоуральске.

*Шариков выплеснул водку в глотку, сморщился,
кусочек хлебца поднес к носу, понюхал, а затем
проглотил, причем глаза его наполнились слезами.
— Стаж, — вдруг отрывисто и как бы в забытых
проговорил Филипп Филиппович.*

М.А. Булгаков

Фразу Николая Васильевича Гоголя “У России две беды — дураки и дороги” давно уже выучили наизусть практически все. Но есть у России еще одна страшная беда — это необузданное, дикое наше пьянство. Еще древние славяне всякое мирское дело непременно начинали пиром, а напитки имели в социальной жизни огромное культурное значение. Это были брага, мед, пиво, квас. Известия об этих хмельных напитках сохранились с самой древней поры. Питье доставляло веселье, удовольствие, подкрепляло силы человека. При этом пьянства как порока в домосковской Руси не существовало.

С начала XVI века на Руси стала известна водка, открытая арабами (арабское — al-kohol, araku; русское — арак). Но по нашему мнению, не водка как напиток, а варварский способ ее употребления, помноженный на рабский быт русского народа, стали началом беды, называемой пьянством. Пальму первенства в спаивании народа логично было бы отдать Ивану IV (Грозному). Воротившись из-под Казани, он распорядился построить для попоек опричников особый дом, названный им по-татарски кабаком. Но татарский кабак — это постоянный двор, где подавались кушанья и напитки, и в этом он мало отличается от древнеславянской корчмы. Кабак же, устроенный Иваном IV, — это место, где можно только пить, а есть нельзя. Именно это чудовищное событие, вероятно, можно принять за точку отчета в многовековой истории российского пьянства.

В московских кабаках велено было только пить, и притом только простому народу (крестьянам и посадским), а доходы имели: царь, бояре и духовенство — владеющие этим далеко не божественным промыслом. Надо отметить, что во время татарского ига и потом при московских царях число монастырей и их богатства увеличились необычайно (к концу XVII века примерно тысяча монастырей владели до миллиона душ крестьян) и питейные прибыли имели не последнее место в этом богатстве.

В 1590-е годы последовал строгий указ наместникам всех отдаленных от Москвы областей прекратить всякую частную торговлю водкой в корчмах и шинках, сосредоточив ее исключительно в царских кабаках. Производство и продажа водки были отданы в руки кабацких голов. Кабацкие же головы, их помощники и целовальники (ларешные и рядовые) являлись лицами выборными. Они выбирались общиной, а отчитывались о своей деятельности перед наместником области и

Приказами, куда сдавали годовые доходы непременно с “прибылью против прошлых лет”, будучи в остальном совершенно бесконтрольными. Таким образом, кабацкие головы являлись подрядчиками государства и главными администраторами по осуществлению государственной винной монополии. Это не могло не привести к широкому распространению в России гигантской коррупции, взяточничества, злоупотреблений, а также способствовало воровству и пьянству.

К середине XVII века пьянство сделалось настолько серьезной проблемой, что патриарх Никон и окружавшие его церковные реформаторы попытались ввести сухой закон. В 1648 году различные злоупотребления кабацких голов (резкое снижение качества хлебной водки из-за хищения сырья и фальсификации, распространение пьянства среди народа, рост взяточничества и т.д.) привели к “кабацким бунтам” в Москве и других городах. Городских ремесленников поддерживали крестьяне. Бунты были жестоко подавлены. Царь Алексей Михайлович был вынужден созвать Земский собор, который получил наименование “Собор о кабаках”, так как главным вопросом, на нем рассмотренным, явился вопрос о реформировании питейного дела в России.

На Урале кабаки появляются одновременно с основанием первых городов. Так и верхотурский кабак появился вскоре после основания города и долгое время не переставал возбуждать всеобщее неудовольствие, собирая около себя пьяниц. Верхотурские воеводы Барятинский и Языков в 1623 году пишут в Москву, что с тех пор, как по царскому указу открыт в Верхотурье кабак, верхотурские служилые люди, стрельцы, и казаки, и ямские охотники, и пашенные крестьяне в верхотурском кабаке пропились, а ямские охотники, пропившись, разбрелись, а пашенные крестьяне от того кабака обнищали. Воеводы же унимать их не смеют, боясь кабацкого недобора. Царь им на это отвечает: “То вы пишете к нам, не радея о нашем деле, что кабак хотите отставить. Кабак ведь заведен не вчера, а давно, задолго до московского разорения; и до вас много воевод перебыло на Верхотурье, но никто из них о том кабаке нам не писал, а вы вместо того, чтоб искать пред прежним прибыли, хотите и старое растерять. Все, что вы пишете к нам, не поделом: это — от лени, или, может быть, смотрите на Тобольск, где кабаки велено снести, и то не образец. В Тобольске кабак был заведен недавно, а Тобольск в Сибири — первый город, и тобольские служилые и всякие жилацкие люди учили пить беспрестанно, и в Тобольске потому велено снести кабак, чтоб сберечь наших служилых и торговых людей. А у вас на Верхотурье не одни служилые люди пьют, а есть много приезжих из разных мест Сибири, и поэтому кабак уничтожить нельзя. А затем поручаем смотреть накрепко, чтоб доходы с кабака пред прежними годами собраны были непременно с прибылью”.

С конца XVII века массы людей направляются из центральной части России в Сибирь. Дорога шла через город Верхотурье, который являлся воротами в Азию и поэтому здесь вместо одного существовавшего доселе кабака возникло несколько. Развитие города замедлилось с отменой таможенных сборов и закрытием в 1763 году Верхотурского тракта как государственной дороги. Верхотурье стало просто уездным городом, но кабаки остались и причиняли немало хлопот жителям.

В 1705 году энергичный и властный Петр I, испытывая острую нужду в деньгах для ведения Северной войны, переходит к откровенной откупной системе на всей территории России, сочетая ее с казенной продажей. Наиболее энергичным и богатым людям давались откупа. Таким образом, царь получал заранее и гарантированно деньги со всех откупных территорий на ведение войны и оснащение флота. Через десять лет царь вводит свободу винокурения в России, при этом все винокуры облагаются “винокурной пошлиной”. Но при всем том Петр I отлично понимал, что водка это бомба замедленного действия для будущей империи. В “Памяти”, данной Н.Д. Демидову (Антуфьеву) в 1702 году, царь наказывал: “вина и никакого пьяного питья отнюдь на заводах не держать. А пьяных без пощады всякими наказаниями смирять и на плутов наковывать цепи”.

С 1795 года заготовка водки казной почти исчезает. Откуп становится господствующей системой и распространяется по всей России. Откупщики захватили в свои руки государственную монополию на водку в виде откупов, превратив откупную систему в источник своего бесхлопотного обогащения. Они стали паразитировать и наживаться на основе злоупотреблений, воровства, ухудшения качества продукции, поскольку водочные откупа предоставляли такие возможности. Победное шествие водки

приводит в упадок пиво — и медоварение. У русского народа постепенно складывается новое правило жизни, что не пить — так на свете не жить.

Только после Отечественной войны 1812 года и последовавшей за ней инфляцией русского рубля правительство Александра I обратило внимание на откупную систему, разорившую казну. Поэтому в 1819 году была введена строгая государственная водочная монополия по всей России, за исключением отдаленной Сибири, где бороться со злоупотреблениями откупщиков правительство все равно было не в силах.

В январе 1826 года Николай I частично восстановил откупную систему, а с 1828 года полностью отменил государственную монополию на водку. Это решение носило политический, а не экономический характер. Откупная система вела к сказочному обогащению кучки дельцов, разоряла население, подрывала здоровье нации. Цена водки все время росла, что для большей части населения стало тяжелым бременем. И тогда на смену ей приходит дешевая дурь, мутная жижа, получившая свое название по цвету — сивуха.

Водка в России вытеснила вино и даже пиво. В Европе же потребление пива значительно увеличивалось: “в 1858 году в таможенном Германском союзе потреблялось пива 3,42 ведра, в Австрии — 2,17, в царстве Польском — 1,55, а во всей России только 0,15 ведра”. По свидетельству современника: народ, населяющий Соединенные Штаты (несмотря на весьма пестрый состав), “пьет преимущественно пиво, и если выпьет водки, то сейчас запивает ее водою. Ни один из граждан не знает, что такое значит напиться водкою до пьяна, и только негры да нищие ирландцы упиваются водкой”. Пивоварение же в России уничтожается сознательно — водочным откупщикам не нужна альтернатива.

Попытки бороться с пьянством вечно натывались на неодолимые препятствия, поскольку государство извлекало из продажи спиртных напитков значительную часть своих доходов и посему было кровно заинтересовано в их потреблении. Однако в 1865 году была учреждена комиссия для пересмотра правил торговли крепкими напитками с целью ограничения пьянства народа. Но меры против пьянства принимал и сам народ. Еще в 1864 году на заводах — Нижнетагильском, Северском, Верхисетском и Ревдинском — восемь сельских обществ открыли у себя общественные городские питейные заведения, в которых продажа должна была производиться на капитал общества и в пользу его.

В 1881 году на совещании министров царского правительства было принято решение провести более существенные реформы. Кабак был заменен трактиром и корчмой. В этих заведениях торговали не одной водкой — к выпивке можно было бы получить закуску и еду. Но и эта мера существенно улучшить положения не могла — кабак просто возродился в форме трактира.

По свидетельству священника Петропавловской церкви А.А. Топоркова: “До 1886 г. в Шайтанском заводе (с 1933 г. — город Первоуральск. — Авт.), при населении в 6000 душ, ежегодно выпивалось вина до 5000 ведер. Многие надеялись, что питейная реформа повлияет на уменьшение пьянства и отзовется благоприятно на улучшении народной нравственности и материального благосостояния, но случилось как раз противоположное. До реформы в заводе никогда не было более трех кабаков. С введением же ее, вместо трех, открылось 12 питейных заведений, под разными наименованиями: 7 винных лавок, 2 трактира, ренсковый погреб и две портерные лавки”.

Итак, кабак “приказал долго жить”. Появились питейные заведения, которыми по проекту Положения о питейных сборах называются “все торговые заведения, которые занимаются исключительно продажей питей, и при том непременно распивочно, под каким бы наименованием такие открыты ни были”. Поэтому питейный дом, шинок, ренсковый погреб, портерная лавка, выставка, трактир одинаково подошли под название питейных домов, несмотря на то, что каждый из них имеет свою историю. Если питейный дом, по мнению комиссии Государственного совета, “это притон бесчинства и разврата, то ренсковый погреб это место, посещаемое лицами, которые считают для себя неприличным ходить в питейный дом”. Трактир скорее был местом собраний,

своеобразным народным клубом. Заведение же под названием винная лавка появилось только в конце XIX века, благодаря появлению бутылочной тары, до 1885 года водка на вынос продавалась только ведрами (винное ведро равнялось 12 литрам). Причина заключалась в отсутствии бутылок для розлива водки. Отсутствие в России развитой стекольной промышленности также являлось одним из препятствий на пути перехода от средневекового к цивилизованному потреблению водки.

Однако появление мелкооптовой торговли водкой не изменило ситуации с пьянством. В Шайтанском заводе, — где “теперь в соседстве с каждою такою лавкою имеются две-три избы, в которых желающие могут не только удовлетворить этой потребности, но к вящему удовольствию находят еще к своим услугам публичных женщин”. В столичном Петербурге, казенные винные лавки — “казенки” — помещались на тихих улицах, вдали от церквей и учебных заведений. Так требовали полицейские правила. “Эти лавки имели вид непритязательный, обычно в первом этаже частного дома. В продаже два сорта водки — с белой и красной головкой. Бутылка водки высшего сорта с “белой головкой”, очищенная, стоила 60 копеек, с “красной головкой” — 40 (в ценах 1900 г.). Продавались бутылки емкостью четверть ведра — “четверти”, в плетеной щепной корзине. Полбутылка называлась “сороковка”, т. е. сороковая часть ведра, сотая часть ведра — “сотка”, двухсотая — “мерзавчик”. С посудой он стоил шесть копеек: 4 копейки водка и 2 копейки посуда. Купив посудинку с красной головкой — подешевле, любители выпить тут же сбивали сургуч с головки, легонько ударяя ею о стену. Вся штукатурка около дверей была в красных кружках. Затем ударом о ладонь вышибалась пробка, выпивали из горлышка, закусывали или принесенным с собой, или покупали здесь же у стоящих баб горячую картошку, огурец”.

Но если столица могла предложить выбор — от фешенебельных ресторанов, где обед без закуски и вин стоил 2 рубля 50 копеек, до чайных и всякого рода закусочных с обедом в 15 — 20 копеек, то в поселениях при уральских заводах выбора у жителей практически не было. По наблюдениям о. Александра в Шайтанском заводе “пьют все; женщины не уступают в неводержности мужчинам и случается даже превосходят их, муж берется за рюмочку, а жена за стаканчик. Особенно сильно пьянствуют в храмовые праздники; в эти дни царит самый бесшабашный разгул. Только в полночь он стихает, но лишь для того, чтобы с рассветом проявиться с новою силою, и так продолжается часто несколько дней. Смотря на отцов и матерей, пьянствуют и безобразничают и дети их. Взрослые парни, в праздничный день, артелями в 20 — 30 человек, с песнями, под звуки гармоний, расхаживают по улицам, безобразничая и не давая никому проходу: побить встречного, выбить окна — дело обычное для буянов. Пьянствуют люди с достатком, пьянствуют бедняки, пропивая последнюю копейку, нередко бесчестно приобретенную”. И как следствие пьянства: “развелось и курение табаку, чего прежде не было: курят православные, единоверцы и даже раскольники (?), взрослые и малолетки. Сильно развиты также азартные игры. Прежние вечерки приняли иной характер: на них собираются в домах женщин, пользующихся дурною репутациею, с платою хозяйке за вечер 20 — 30 коп. На сходах — дело на втором плане, а на первом та же водка. Легко представить, как вершатся на них дела”.

Летом 1899 года знаменитый химик и столь же знаменитый автор водочного эталона Д.И. Менделеев посетил ряд городов и заводов Урала и Сибири. Сделав короткую остановку в поселке Шайтанского завода, Дмитрий Иванович отметил, что “село огромное и видимо богатое (...) довольство видимое, тут, очевидно зависит от заработков”. Земский начальник довольно крестыян подчеркнул знаменательным, на наш взгляд, фактом: “На каждого жителя поселка приходилось на пятнадцать — двадцать и даже более рублей в год выпитой водки”. По словам того же начальника: “заработок крестыян на заводе от десяти рублей в месяц, а работающие и непьющие зарабатывают по пятнадцать — двадцать рублей”. Получается, что в Шайтанском поселке примерно десятая часть заработка просто пропивалась.

Справедливости ради заметим, что нравственное здоровье крестыянина и мастерового Шайтанского завода мало отличалось от духовного состояния любого другого крестыянина империи. В доказательство приведем свидетельства современников. Разночинец Белинский, знавший мужика лучше, чем его друзья из дворян, высказался на эту тему достаточно прямо, когда усомнился в осуществимости их мечты о демократической России: “В понятии нашего народа свобода есть воля,

а воля — озорничество. Не в парламент пошел бы освобожденный русский народ, а в кабаки побежал бы он, пить вино, бить стекла и вешать дворян, которые бреют бороду и ходят в сюртуках, а не в зипунах”. А вот, что замечал по этому поводу Максим Горький: “В юности моей (в 1880—1890-е гг.) я усиленно искал по деревням России (того добродушного, вдумчивого русского крестьянина, неутомимого искателя правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века) и — не нашел его”.

С появлением крупной промышленности в городах основными потребителями водки становятся рабочие, испытывая к ней естественную потребность. Еще Ф. Энгельс указывал, что пролетариат в условиях интенсивного труда на износ объективно испытывает “жизненную потребность в водке”.

Историк В.В. Похлебкин объясняет это рядом факторов: во-первых, способностью алкоголя быстро снимать моральный и физический стресс; во-вторых, способностью алкоголя в силу своей высокой калорийности имитировать подпитку организма калориями; в-третьих, психологической потребностью неустроенного в жизни человека в алкоголе как средстве забвения; в-четвертых, объективной потребностью в алкоголе на ряде производств, где алкоголь служит как бы противоаллергическим, успокаивающим, “комфортным” средством, а потому потребляющий его рабочий испытывает просто облегчение.

Было понятно, что отсутствию элементарной культуры потребления водки у широких народных масс можно противопоставить только лишь терпеливую и долгосрочную работу. И единичные указы здесь не помогут. Решению этих задач должно было способствовать введение государственной водочной монополии начиная с 1894 года. Будучи глубокой реформой, водочная монополия разрабатывалась серьезно и всесторонне. У истоков четвертой по счету государственной монополии на производство водки стоял крупнейший политический деятель России министр финансов граф Сергей Юльевич Витте. Цели государственная водочная монополия преследовала благие, но действовала недолго. Только в 1906—1913 годах реформа осуществлялась во всем объеме и привела к некоторым положительным результатам. Была упорядочена торговля водкой. Лишь в столицах и крупных городах она велась с 7 часов утра и до 22 часов вечера, на селе она завершалась до 20 часов. Во время проведения различных общественных мероприятий (выборов в Думу, деревенских и волостных общинных сходов) торговля водкой была строго запрещена. К самогонщикам начали применяться уголовные наказания.

Но проблему пьянства реформа не решила, напротив, потребление водки только возросло. С 1908 по 1912 год было продано 440 миллионов ведер сорокаградусной водки. За эти годы от ее продажи было получено прибыли 185 миллионов рублей, а от эксплуатации железных дорог — только 160 миллионов рублей.

В конце XIX — начале XX века самой пьющей губернией России была Московская (неоспоримое первенство!), дававшая доход от водки в 1885 году 20 млн 707 тыс. 400 руб. (золотых рублей!), а в 1895 году уже 25 353 000 рублей. За ней шла столичная губерния — Петербургская — 14,6 млн рублей. На Урале самой “пьяной” считалась по размерам потребления водки Пермская губерния (5,67 млн руб.), которая тогда включала и территорию нынешней Свердловской области. Учета потребления в литрах тогда не вели, интересовала лишь прибыль.

Первая мировая война внесла коррективы в водочное дело. По Высочайшему повелению во время мобилизации была запрещена продажа спиртных напитков. Запрет был введен как обычная мера, сопровождающая мобилизацию. В губерниях были закрыты все казенные винные лавки, пивные, ренсковые погреба, почти все рестораны. Следующей мерой стало постановление правительство России о прекращении продажи водки на период войны и о концентрации всего производства этилового спирта для нужд фронта и медицинских целей. В августе Император принял делегацию русских городов. Члены делегации высказали ему единогласную просьбу о совершенном прекращении торговли водкой, на что последовал “благожелательный ответ Государя”.

При утверждении бюджета на 1915 год Государственная дума приняла радикальные меры, не предусмотрев в бюджете доходов от продажи спиртных напитков, хотя в 1913 году чистый доход от винной монополии составлял около 30% доходной части бюджета.

Дальше ситуация стала развиваться по знакомому гражданам СССР сценарию (только история нас не учит, наступать на одни и те же грабли — наше кредо). Население все больше стало употреблять суррогаты: лак, политуру, одеколон, денатурированный спирт и т.п. Самогонование стало принимать опасные размеры. В конце октября 1914 года председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин откровенно признался бывшему до него главой правительства В.Н. Коковцеву, что “...нельзя производить таких перемен росчерком пера”.

Среди первых законодательных актов советского правительства был декрет, запрещающий торговлю водкой во время революции и гражданской войны. Спирт, водка и вино считались врагами революции. Антиалкогольная пропаганда того времени прекрасно представлена искусством плаката Владимира Маяковского, — “Царствование Николая, Последнего” — где был изображен император Николай II и его супруга Александра, крепко держащие в руках бутылки зеленого стекла, а с коленей императрицы в мешок падает дождь из золотых монет. С правой стороны от четы самодержцев, в поле на зеленой траве, валяется пьяный крестьянин, а с левой — нетрезвый фабричный рабочий пытается, держась за фонарь, подняться на ноги. В качестве лозунгов использовали высказывания на эту тему самого Владимира Ильича Ленина: “Водка и другая отравы вновь приведут нас к капитализму”. И рабочего изображали разбивающим при помощи молотка бутылку, вокруг которой обвилась змея. Акцент в этих изображениях делается именно на то, что пьяница является угрозой и для себя самого, и для всего общества в целом.

Но уже с января 1924 года вступило в силу совместное постановление ЦИК СССР и СНК СССР о возобновлении производства и торговли спиртными напитками в СССР, а повсеместная продажа новой советской водки началась с октября 1925 года. М.А. Булгаков писал по этому поводу:

— “Новоблагословенная? — осведомился гость.

— Бог с вами, голубчик, — отозвался хозяин. — Это спирт. Дарья Петровна сама отлично готовит водку.

— Не скажите, Филипп Филиппович, все утверждают, что новая очень приличная — 30 градусов.

— А водка должна быть в 40 градусов, а не в 30, это, во-первых, — а во-вторых, — бог их знает, чего они туда плеснули. Вы можете сказать — что им придет в голову?

— Все, что угодно, — уверенно молвил гость.

— И я того же мнения, — добавил Филипп Филиппович...”

В 1937 году на всех государственных ликероводочных заводах были введены унифицированные рецептуры советских водок, значительно расширен их ассортимент.

В годы войны производство водки не было полностью прекращено, хотя и сократилось в пять раз. С 1943 года, в Красной Армии впервые за всю ее историю, была официально введена практика выдачи военнослужащим по 100 г водки на человека в сутки, так называемая “винная порция”. Правда, для непьющих, которых на первых порах было весьма много, была введена замена водки на сахар и шоколад (в специальных и особенно в летных частях), но этой заменой к 1945 году уже почти никто не пользовался: сказались изменение психологии людей, увидевших, что до сих пор не престижное и запретное употребление водки вдруг стало высоко престижным в глазах ближайшего начальства — старшины, мичмана, боцмана, командира взвода, а отказ от назначенной порции спиртного расценивался уже как элемент оппозиции и неблагонадежности. М.Е. Салтыков-Щедрин давно заметил это свойство: “Знайте, что пьет человек водку — значит, не ревизор, а хороший человек”.

Пьянство охватывало все больший круг людей, распространяясь во все слои советского общества, поражая самую его верхушку:

“Командующему ВВС Красной Армии

маршалу авиации товарищу НОВИКОВУ

26 мая 1943 года

ПРИКАЗЫВАЮ:

- 1) Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника СТАЛИНА В. И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.
- 2) Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что портит и развращает полк.
- 3) Исполнение донести.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН

26 мая 1943 года”

Не осталась в стороне и церковь. Председатель Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР Г.Г. Карпов, докладывая 27 августа 1946 года И.В. Сталину о состоянии Русской православной церкви, отмечал:

“Сов. секретно

Настоящим бичом в жизни церковных общин является массовое распространение хищений и растрат церковных средств, как со стороны духовенства, так и церковных советов (...). Основные пороки этого духовенства — пьянство, многоженство, растраты церковных денег и т.д. Отдельные епископы ведут широкий образ жизни, создают пышную обстановку на службе и в быту”.

Сразу после войны алкогольная ситуация стала быстро становиться критической с перспективой дальнейшего перерастания в катастрофу. При дешевизне водки (2 руб. 65 коп.) и ее широкой, свободной государственной продаже в 50—60-х годах все более и более увеличивается потребление. Доход от продажи спиртного составлял почти четверть госбюджета. Хотя потом государство несло почти вдвое большие убытки от последствий массового пьянства.

Пьянство в стране “свободы”, “счастья” и “прогресса” достигло чудовищных размеров. ЦК КПСС было вынуждено поручить в 1976 году отделу Госплана СССР выработать научные рекомендации по борьбе с пьянством. Ученые попробовали доказать, что пьянство имеет экономические корни. Поэтому искоренение его надлежало начинать с программ развертывания производства разного ширпотреба. Вспомнили разработчики и про социокультурные корни пьянства — питейные традиции. Программу тогда не приняли, и алкогольная эпидемия наращивала масштабы.

Питейные традиции все больше завоевывали сознание народа. Академик Владимир Михайлович Бехтерев (1857—1927) так охарактеризовал психологические причины пьянства: “Все дело в том, что пьянство является вековым злом, оно пустило глубокие корни в нашем быту и породило целую систему диких питейных обычаев”.

Один из них — поминать умерших людей водкой. На русских поминках не только водки и вина, но и скромной еды не было! Ведь не на праздник собирались, а для того, чтобы вспомнить то хорошее и светлое, что с этим человеком было связано. Печаль, молитвы — вот традиция поминания умерших

на Руси! А не то пьяное застолье, которое уже существует в нашем сознании как исконно русский обряд.

Следует заметить, что анализ алкогольной проблемы в советский период затруднен: официальные данные ЦСУ РСФСР, Госкомстата РСФСР по показателю “регистрируемое потребление алкоголя” оставались секретными до 1988 года.

В 1985 году в ходе начавшейся “перестройки” было принято роковое решение покончить с пьянством одним ударом — кавалерийской атакой. “Рассматривая преодоление пьянства и алкоголизма как социальную задачу большой политической важности, ЦК КПСС потребовал разработать и осуществить комплекс всесторонне обоснованных организационных, административно-правовых и воспитательных мер, направленных на решительное усиление антиалкогольной борьбы и повышение ее эффективности”. Последствия этого все помнят, — и “трезвые застолья”, и километровые очереди, и половодье самогона, и позорную капитуляцию властей, и полный крах госмонополии на продажу спиртного, и целое море дешевой отравы с разноцветными наклейками, от которой гибло больше народа, чем от дорожных катастроф и убийств, вместе взятых

Советский народ ответил властям массой анекдотов. Одним из самых популярных того времени был такой: “Надоело мужику стоять в километровой очереди за водкой. “Пойду лучше в Кремль, набью морду Горбачеву”, — сказал и ушел. Но через некоторое время вернулся. Его и спрашивают: “Ну что, как?..” — “Нет, — отвечает, — там, к Кремлю, очередь еще больше”.

Поражение правительства Горбачева оказалось сокрушительным. За какой-нибудь год подпольное производство спиртного сравнялось по своим масштабам с государственной монополией. Потребление алкоголя осталось на том же уровне, а государство стало терять ежегодно десятки миллиардов рублей. Тем не менее именно к 1987 году увеличилась средняя продолжительность жизни. В результате, как бы мы ни ругали антиалкогольную кампанию, она сберегла жизнь не одной тысяче россиян.

Советская монополия на водку просуществовала 68 лет. 7 июня 1992 года Президентом России Б.Н. Ельциным был издан указ, отменявший государственную монополию на водку. С середины 1992 года в России любой и каждый мог производить, закупать за границей, торговать водкой на основе специального разрешения, выдаваемого органами исполнительной власти, т. е. на основе лицензии. Но такое положение только ухудшило алкогольную ситуацию и просуществовало не долго. 11 июня 1993 года был издан Указ N 918 “О восстановлении государственной монополии на производство, хранение, оптовую и розничную продажу алкогольной продукции”. “В целях ... проведения эффективной государственной политики, направленной на оздоровление населения”. Таким образом, восстановилась во всем ее объеме новая государственная монополия на производство, торговлю и употребление водки.

Во всех этих указах есть изрядная доля ханжества, потому как, и во времена царской, и во времена советской России излюбленный напиток давал весьма существенные поступления в казну. В 2000 году от отравления этиловыми спиртами умерло 28 000 россиян. Но несмотря на эти вызывающие опасение цифры, производство алкогольных напитков продолжает оставаться для государства крайне выгодным делом — в 2000 году продажа спиртных напитков принесла в бюджет России 517 миллионов евро.

По данным статистики, в 2001 году каждый житель Свердловской области выпил больше 19 литров алкоголя. Если учесть бутылки, проданные из-под полы, то на каждого из нас приходилось по 25 литров вина и водки. Свердловская область — одна из самых пьющих в России. “Мы спаиваем свой народ и убиваем его!” — заявил председатель правительства Алексей Воробьев.

Национальная алкогольная ассоциация (НАА) обнародовала сводные данные о смертности от случайных отравлений алкоголем в январе — мае 2002 года. Показатели впечатляют.

За пять месяцев 2002 года в России “по пьяной лавочке” погибли 18 224 человека (в 2001 г. за тот же период — 16 858). Интересно взглянуть на разбивку по федеральным округам. Лидер — Центральный федеральный округ: 4933 человек (4522 в 2001 г.); Приволжский — 4160 (3622); Сибирский — 3122 (3044); Северо-Западный — 2424 (2307); Уральский (почетное пятое место) — 1722 (1665). Если учитывать “скрытые” проявления потребления спиртного, такие как инфаркты и инсульты, а также дорожные аварии и насилие, то число жертв увеличивается многократно.

В России пили, пьют и, как это ни прискорбно, будут пить. Спасать нас с вами от пьянства и алкоголизма никто не собирается. Максимум, на что решились власти, это ограничить продажу спиртных напитков. Основная задача для государства сегодня — вернуть в бюджет огромные деньги, уходящие в теневой сектор алкогольной экономики.

По мнению Президента Российской Федерации Владимира Путина, борьба с пьянством — это “вопрос вечный для России”. “Но это вовсе не значит, что мы все пьяницы”, — заявил 24 декабря 2001 года российский президент, отвечая на вопросы граждан в ходе прямой линии на телеканалах ОРТ и РТР. “Для того, чтобы отвлечь человека от стакана, нужно создать и постоянно повышать материальное благосостояние народа, нужно сформировать интересы, чтобы у человека были возможности реализовать эти интересы, чтобы духовные потребности совпадали с материальными возможностями”. Кроме того, считает он, необходимо создать “систему воспитательных мер”, “чтобы человеку было куда пойти, чем заняться”, нужно, чтобы “у человека были перспективы” — убежден В. Путин.